

— Ну, не совсем к вам лично, профессор... Так как они спрашивали о человеке, ответственном за общежития, я подумал, что вы будете подходящим человеком.

— Так кто же это?

— Шлус Хайнкель. Лучший поступивший студент в этом году...

— ...

Профессор Людвиг поднял хрустальный шар. В нём Шлус Хайнкель стоял прямо у ворот, мокнув под дождем. Когда его пустые глаза медленно двинулись и встретились с взглядом Людвиг, профессор невольно вздрогнул от удивления.

Артефакт наблюдения, установленный у ворот, должен был быть защищен от любых способов просмотра. Но как раз в этот момент, случайно или нет, взгляд Шлуса Хайнкеля обратился в другую сторону. Только тогда Людвиг выдохнул и заговорил.

— Впустите его. Скажите ему, чтобы пришел в мой кабинет.

— Да, профессор.

Людвиг развернулся, поправляя галстук, с легкой улыбкой на губах, словно это была хорошая возможность.

* * *

— ...Шлус Хайнкель.

— Да, верно. Профессор Людвиг.

— ...

Когда в кабинет вошёл Шлус Хайнкель с его сомнительной внешностью, губы Людвиг искривились. Дождевая вода капала с его промокшего тела, смачивая ковёр.

Маг, способный подать заявление в Имперскую Академию, должен был уметь использовать хотя бы базовое заклинание пламени, если только он не исчерпал свою ману где-то или намеренно не пытался создать проблемы. Людвиг счёл последнее более вероятным, но без доказательств он не мог обвинить его в этом.

Когда Людвиг прищурился и щёлкнул пальцами, камин ожил.

— ...Иди и высушись.

— Да, спасибо.

Шлус Хайнкель коротко кивнул, затем спокойно подошёл и сел перед камином. Это было поведение, совершенно лишённое характерного подобострастия, которое простолюдины проявляли при общении с дворянами. Даже мелкие дворяне вели себя покорно перед Людвигом...

Либо Шлус потерял страх, либо имел какую-то скрытую веру, либо не знал о престиже Дома Вигенштейн... В любом случае, он был странным.

— Так зачем ты пришел ко мне?

— Моё зачисление как лучшего студента теперь подтверждено?

— Объявление завтра. Ты сможешь подтвердить это тогда.

— Но результаты, должно быть, уже определены, не так ли?

— Даже если это так, у меня нет никаких обязательств говорить тебе. Я спросил, зачем ты пришел ко мне. Ответь на вопрос.

— Привилегии лучшего студента. Я хочу получить отдельную комнату в общежитии и стипендию на содержание авансом.

— Назови свою причину. Это невозможно без уважительной причины.

— Мне негде жить и у меня нет денег.

— ...

Рот Людвига закрылся от прямого ответа. Было достаточно возмутительно требовать привилегии лучшего студента ещё до зачисления, но причина, которую назвал Хайнкель, была ещё более нелепой. Обычно простолюдины старались как можно больше скрывать свои слабости (особенно экономические уязвимости, которые дворяне могли использовать). Но Шлус Хайнкель заявил об этом смело, как будто это даже не было слабостью.

Что же давало ему такую уверенность? Когда на ум пришел способ немедленно воспользоваться этой слабостью, Людвиг открыл губы с легкой улыбкой.

— Это противоречит правилам, но... Хорошо. Я предоставлю тебе это.

— Спасибо...

— Но есть условие.

— Какое?

— Ты должен сохранить свою позицию лучшего студента до конца первого семестра. Если ты потеряешь первое место хотя бы раз, тебя исключат.

— ...

— Я нарушаю правила, чтобы проявить к тебе доброту. Разве не справедливо, что ты в ответ продемонстрируешь соответствующую производительность?

Когда выражение лица Шлуса Хайнкеля стало жёстче в режиме реального времени, улыбка Людвига стала более отчетливой. Позиция лучшего студента менялась в общей сложности три раза за семестр. Во время вступительного экзамена, промежуточных экзаменов и финальных экзаменов.

До сих пор ни один студент не занимал первое место как на вступительном экзамене, так и на промежуточных. Ни разу за сотни лет истории. Вот насколько разными были требования к вступительному экзамену и промежуточным экзаменам.

Каковы были шансы у простолюдина, которому просто повезло с хорошим складом ума, чтобы получить высший балл на специальном экзамене, занять первое место и на промежуточных экзаменах?.. Нулевые. Даже не приближающиеся к нулю — просто ноль.

«Он, наверное, не хочет, чтобы его исключили».

Шлус Хайнкель некоторое время молчал, погрузившись в раздумья. Окончание учёбы в одиночку гарантировало путь к успеху, невысказанному для простолюдина, поэтому он вряд ли выбрал бы путь глупого исключения. Шлус Хайнкель в конечном итоге будет дрожать на дождливых улицах ночью, сжимая свой голодный живот и умоляя о ночлеге. Если он замерзнет насмерть, хуже уже не будет.

Некоторые могут назвать это жалким поступком, но, по крайней мере, Людвиг нельзя будет привлечь к ответственности за это. Он всего лишь следовал правилам. Вернее, он даже проявил доброту, несмотря на поставленное условие.

— Принимаю.

— Хорошо. Как я и думал, ты так скажешь... Подожди, что ты сейчас сказал?

— Ваше предложение. Я принимаю его. Пожалуйста, покажите мне дорогу до общежития. И предоставьте стипендию на содержание за этот месяц прямо сейчас.

— ...

Внезапно Шлус Хайнкель встал прямо перед столом Людвиг, глядя на него сверху вниз. Потеряв дар речи, Людвиг напрягся и сглотнул, на мгновение забыв, что перед ним всего лишь простолюдин.

Его ожидания были неверны. Он не просто потерял страх. Он был безумцем.

<http://tl.rulate.ru/book/106438/5156723>